

Иштван Удвари: становление и достижения ученого и гражданина

Уважаемые коллеги, гости конференции!

Признаюсь, впервые выступаю на научной конференции с подобным докладом. Последние 20 лет я занимаюсь преимущественно вопросами русинистики, то есть наукой о истории и культуре карпатских русин. У русинского народа нет своего государства, нет серьезных институций, которые бы защищали его интересы в сегодняшнем мире. Этим выступлением я частично взял на себя функции защитника и, по видимому, оно будет несколько напоминать политический спитч, прошу прощения за, возможно, излишнюю эмоциональность.

Каждый из нас гуманитариев посвятил себя науке, в большинстве своем работает на определенном участке славистики. И вместе с тем, мы – граждане своих стран, члены научных коллективов, сообществ, каждый из нас, в конце концов, является приверженцем определенных политических, религиозных, нравственных и т. д. взглядов и убеждений, идентифицирует себя в составе той или иной национальной или этнической группы, с тем или иным характером и темпераментом, то есть обладает определенными личностными характеристиками. Приходится, констатировать, что в нашей гуманитарной научной сфере именно эти самые общие человеческие качества играют порой более весомую роль, чем собственно предмет наших научных исследований. Историки дискутируют, например, о роли личности в истории, филологи часто объясняют чисто языковые явления экстралингвистическими факторами и т. д.

В начале девяностых годов прошлого века Иштван Удвари основал здесь, в Ниредьхазе, в местном педагогическом институте кафедру украинской и русинской филологии. Предметом внимания в настоящем докладе является сочинительный союз «и», который, несмотря на всю ничтожность формы, вполне явственно демонстрирует революционный характер преобразований в среде венгерской славистики после распада тоталитарных режимов в Центральной Европе и роль Иштвана Удвари в данном процессе. Именно этим союзом скромный ученый из провинциального венгерского вуза воздвиг себе «памятник нерукотворный» в среде людей, идентифицирующих себя четвертым восточнославянским этносом – русин. (Обратите внимание на графу спонсоры на этом приглашении, даже сегодняшнее мероприятие проводится при поддержке прежде всего русинских организаций!).

Говорить о жизненном пути ученого и анализировать труды Иштвана Удвари, как вы понимаете, я буду с единственной целью – объяснить, насколько это может быть под силу мне, его соратнику и коллеге на протяжении без малого девяти последних лет жизни и научных поисков, нравственный выбор ученого. Ибо объективных причин, основанных на научном анализе, объявлять о существовании четвертого восточноевропейского народа и соответственно литературного языка у ученого из Ниредьхазы не было. Впрочем, как не было каких-либо объективных причин объявлять русин частью украинского этноса у небезызвестного ученого-лингвиста Сталина, как и нынешних наших коллег, которые до сих пор то ли по инерции, то ли из других соображений пишут не «русины и украинцы», а «русины-украинцы». Напомню, что во многом именно решение Коммунистического интернационала в середине 20-ых годов о принадлежности русин к украинскому этносу привело к трагической судьбе этого народа во второй половине XX века. На карте далеко идущих планов кремлевских

революционеров географическое расположение русин в виде вытянутой на сотни километров на запад от советских границ убывающей полосы выглядело весьма стратегически заманчиво! Победа во Второй мировой войне позволила СССР в одночасье буквально стереть с этнической карты мира самобытный русинский народ, испокон веков проживающий в Карпатском бассейне. Варварское решение, абсолютно не учитывающее мнения носителей русинской культуры, неожиданно нашло поддержку у украинской интеллигенции Галиции, которая еще с последних десятилетий XIX века, впрочем безуспешно, пыталась вовлечь русинскую интеллигенцию в свои намерения и планы по созданию собственного государства. Незадолго до трагического, как оказалось позже, решения коммунистов с подобной поддержкой чаяний украинских патриотов неожиданно к тому же выступило Чехословацкое правительство, когда волевым решением назначило руководителем школьной системы Подкарпатской Руси известного сегодня украинского ученого Ивана Панькевича. Не мудрено, что к концу без малого двадцатилетнего пребывания в составе Чехословацкой республики, в конце 30-ых годов XX века, на большей части территории на юг от Карпат шло ожесточенное сражение в бессмысленной и жестокой языковой войне. Большая часть русинской интеллигенции состояла в двух вражеских лагерях – русофилов и украинофилов. Подобная вражда в конце концов вызвала к жизни третью силу – сторонников собственного русинского литературного языка на основе народных говоров края, которые группировались вокруг еженедельника Мукачевской грекокатолической епархии «Недѣля». Изнурительная языковая борьба, по мнению Иринья Контратовича, ужгородского историка тех лет, была сознательно развязана пражским руководством в рамках классической формулы правителей колоний «разделяй и властвуй» с целью отвлечения масс от насущных проблем. Обещанная Прагой в 1919 году автономия так и не была осуществлена до 1938 года. Правда, справедливости ради следует отметить, что во времена чешского правления еще никто не оспаривал права русин на собственную национальную самоидентификацию, как это сделали чуть позже СССР.

Вернемся, однако ко временам военных лет. Наибольшего развития русинская культура достигла, как ни странно, именно в годы Второй мировой войны, когда современная территория Закарпатской области Украины и округа Снина и Собранци Словакии были возвращены в состав Венгрии. Подкарпатская территория, ср. венг.: *Kárpátaljai terület*, так называлась официально область, преимущественно населенная русинами, обладала определенными правами в культурной сфере. Самое главное, что на протяжении 1939 до октября 1944 года русинский язык наряду с венгерским выполнял функции государственного языка. Он за короткое время пережил значительные изменения, значительно демократизировался, ведь большую часть своей истории Подкарпатье ориентировалось на великорусский язык в качестве собственного литературного. Ситуация стабилизировалась весной 1941 года, после выхода грамматики Ивана Гарайды. Оглядываясь на предшествующие годы, можно смело охарактеризовать тот период золотым веком русинской культуры. На русинском регулярно и большими тиражами выходили газеты, еженедельник «Недѣля», специализированные журналы: научный «Зоря-Најнал», литературный «Литературна Недѣля», педагогический «Народна Школа», детский «Наша Молодежь», ежегодный «Календарь» для широких слоев населения. За короткий период было издано около сотни художественных томов. Русины продемонстрировали, что при минимальной поддержке (а была она прежде всего моральной, шла война), они в состоянии жить полноценной культурной жизнью.

Все эти достижения русинской культуры были прерваны в октябре 1944 года самым бесцеремонным и варварским образом. Реальное воплощение вдруг обрело решение далекого московского съезда Коминтерна, казавшееся абсурдным и не имеющим ничего общего с реалиями Подкарпатья в 1925 году... Еще недавний объект международного права в одночасье перестал существовать. Местная русинская элита была истреблена физически или же загнана в глубокое подполье. Рядовые граждане подверглись невиданному пропагандистскому воздействию. Не осталась в стороне и наука. Советское руководство, т. е. товарищ Сталин, известный языковед той эпохи, конечно же не решал единолично столь сложные вопросы. Даже языковые. Заключение давали Академии наук. Я не буду говорить о доле науки в общественных науках коммунистических стран. Об этом большинство из нас знает не понаслышке. Если из кремля только намекнули, солдаты партии, каковыми всегда оставались советские «ученые», отвечали всегда правильно. Увы, подобную практику подхватили братья по соцлагерю. Я не берусь судить представителей общественных наук Венгрии или любой другой страны социалистического лагеря. У них, ученых 50-ых годов прошлого века, собственно, не было выбора. Традициям прежних научных школ, последователей, например, академика Антония Годинки, который все межвоенное время боролся за права своего народа, Шандора Бонкала, историка литературы, заведующего русинской кафедрой в Будапештском университете еще в 1919 году, как и практики языкового строительства в Подкарпатье времен Второй мировой войны в целом, естественно среди них не оказалось. Можем только догадываться, каково приходилось тому же Эмилу Балецкому, одному из ведущих венгерских славистов послевоенного времени, когда он писал об «украинском» говоре Комлошки... Он то еще не забыл, кем по национальности был он и его предки еще десяток лет назад...

Время, однако, не только лечит, но, как иногда случается, заволакивает пеленой беспомысленности... Уходили представители старшего поколения. В науку приходили люди, которые начинали свою научную карьеру в новых условиях. Откуда было молодому венгру из венгерского Задунавья знать о всех тонкостях вопроса. Тем более, казалось бы, его ученику спустя тридцать лет... Академическая среда весьма консервативна по своей сути. Мысль, научный постулат, хотя и внедренный под дулом автомата в середине XX века, спустя полувек становится незыблемой традицией. В нормальных общественных условиях, пока снова никто не придет с автоматом и единственно верным научным постулатом, такие традиции остаются, как показывает практика деятельности национальных академий стран Центральной и Восточной Европы, незыблемы. По-прежнему издаются научные трактаты с единственно верным учением об украинском населении Восточной Словакии или Закарпатской области Украины... При этом игнорируется элементарный вопрос: на каком основании русины стали украинцами? Разве кто-либо кроме них самих может решать их национальную идентичность? Разве филологами выработаны наконец единственно правильные структурные и социолингвистические критерии, согласно которым причисляют русинские диалекты к украинским? Специалистами решена проблема соотношения понятий «диалект – язык»? Увы, это риторические вопросы. Практика последних десятилетий явственно показывает, что филологи, или иные научные работники отнюдь не в первых рядах решения подобных проблем. Вряд ли даже закоренелый лингвист-консерватор попробует на улицах Белграда или Загреба рассуждать о едином для сербов и хорватов сербскохорватском языке. Это просто небезопасно. Впрочем, я

могу понять, хотя и считаю это глубоко несправедливым, почему вопрос русинской самоидентификации, русинского литературного языка решается подобным образом в Украине, но я не понимаю, почему подобной точки зрения придерживаются слависты других стран, той же Чехии, Словакии, Сербии, Польши или Венгрии? Понятно, что никто не вправе извне вмешиваться в научные постулаты того или иного ученого (и слава Богу, не 1945 год), но трудно понять нравственную позицию человека, который игнорирует право другого человека на собственную национальную или этническую идентификацию, его право отстаивать собственные культурные и языковые, в частности, ценности. Циники говорят **«Язык — это диалект, у которого есть армия и флот»**, подчеркивая, что именно политический фактор является важнейшим при решении сего сакраментального вопроса. Неужели в нашей среде все столь прагматически смотрят на решение подобного вопроса? Зачем становится на сторону хотя и внушительной группы людей, в данном случае русин, которые однако не обладают государственными ресурсами, не проще ли поддержать сильного – многомиллионный соседний народ, который обладает куда большими возможностями. Понятно, что каждый из нас подвержен каким-то внешним влияниям, коллективным интересам, просто инерционностью мышления... Да и непросто порою отказаться от стереотипов, которые сопровождают нас изначально. Но тем не менее пересмотреть свое отношение к подобным вопросам приходится каждому. Повторюсь, до сих пор не существует четких лингвистических критериев, позволяющих квалифицировать тот или иной национальный язык, или более-менее решить задачу соотношения понятий «язык – диалект». Даже начинающему специалисту понятно, что понятие «сходство», с помощью которого, казалось бы, можно отождествлять ту или иную группу языковых явлений, весьма условное и, главное, не работает на практике. Дайте прослушать, например, беглый текст на современном литературном языке русин Войводины не zaangażированному слушателю и попросите ответить на вопрос, к какому современному славянскому языку он ближе всего. По-американски, дайте ему подсказки: 1. к украинскому, 2. к словацкому, 3. сербскому, 4. затрудняюсь ответить. Боюсь, что украинский, к которому филологами традиционно и по праву, по крайней мере из соображений генезиса, относят этот литературный микроязык, не получит в среде нейтрального слушателя предпочтений.

И даже в том случае, когда это формальное сходство не вызывает ни у кого сомнений, рано говорить о его эффективности при решении насущных проблем. Достаточно вспомнить процессы, которые на наших глазах произошли на Балканах последних двух десятилетий. Сербохорватский язык, о котором мы все знаем из университетского курса «Введение в славистику», вдруг распался сразу на три языка: сербский, хорватский и босанский. Более того, уже говорят о четвертом, черногорском... Может ли филолог с его традиционными представлениями как то вмешаться в подобный процесс? Очевидно, что нет. Здесь доминируют критерии, весьма далекие от собственно лингвистических.

Глубокую несправедливость по отношению к русинскому народу легко понимают рядовые граждане европейских стран. Политики, которые в силу своей природы обязаны ориентироваться на общественное мнение, в одночасье исправили тяжелое наследие тоталитаризма в данном вопросе. Сегодня граждане Сербии, Хорватии, Словакии, Чехии, Польши и Венгрии пользуются неотъемлемым правом гражданина цивилизованного общества идентифицировать свою национальную или этническую при-

надлежность самостоятельно. И кстати, большинство из них, не взирая на беспрецедентную государственную пропагандистскую и ассимиляторскую политику в течение полувека, вновь самоидентифицировались русинами. Лишены элементарной возможности самое самоидентификации только жители Украины. На все обращения русинских активистов в Украине к руководству страны последние получают стандартные ответы: по мнению ученых национальной академии наук, русины являются частью украинского этноса... А посему, значит, говорить о развитии самобытной культуры, образования нет оснований. Последний факт недвусмысленно подчеркивает, что ученым не удастся тихо отсидеться в башне из слоновой кости, в том числе и от них, как видим, напрямую зависит решения вопросов соблюдения в обществе неотъемлемого права индивидуума на соблюдение личных свобод. Получается, что невинное следование сложившимся послевоенным традициям учеными, работающими за пределами Украины, напрямую могут быть использованы для дальнейшей пролонгации законов в стране, попирающих человеческое достоинство и права десятков, если не сотен тысяч ее жителей. Ведь украинские ученые, которые любят вспоминать, с каким трудом еще сто лет назад сумели решить национальные вопросы при противодействии в том числе и ученых со стороны «старшего брата», получают подтверждение собственной правоте: нет никакого русинского вопроса, есть недоразвитые украинцы, которых и дальше насильно будем просвещать, вот, мол, и наши коллеги, ученые из соседних стран нас поддерживают... При этом у меня нет оснований предполагать, что кто-то из не украинских филологов или представителей других отраслей науки сознательно и именно подобным образом «помогает» коллегам...

Вот такой, несколько, затянувшейся вышла историческая справка к настоящему докладу, призванному осветить научный путь, эволюцию научных взглядов основателя современной венгерской русинистики Иштвана Удвари, без которой однако трудно понять подлинные достижения ученого и человека. Кстати научным руководителем ниредьхазского исследователя был патриарх венгерской славистики второй половины XX века, замечательный лингвист Ласло Дежё. Интересно, что первые шаги в славистике молодой славист делал под руководством того же Ивана Панькевича, известного пражского ученого и, добавлю, патриота своего народа, украинца, или же, если выступать со стороны лагеря потерпевшей стороны, с позиций, скажем, представителей современной русинской интеллигенции, злого гения русинства Подкарпатья. Кстати, более подробно о вкладе Ивана Панькевича в нынешнее плачевное положение русин, я надеюсь, мы услышим сегодня после обеда в докладе нашего коллеги из Вены Михаила Мозера.

Характерно, что тема кандидатской диссертации Иштвана Удвари, защищенная им в 1987 году и позже изданная под грифом Венгерской академии наук в качестве отдельного издания в 1995 году, звучит если не вполне в советских традициях, то весьма близка к ним, и сформулирована, конечно же, под руководством научного руководителя – «Русинская (карпатоукраинская) официальная письменность в Венгрии периода XVIII века». Вскоре молодой ученый начинает работать над творческим наследием забытого академика Венгерской Академии наук, русина по происхождению, Антония Годинки. Издает факсимиле его рукописный словарь Глаголница. Словарь глаголув русинского языка в 1991 году, чуть позже прежде всего его усилиями подготовлена серьезная научная конференция памяти академика Антония Годинки. Иштван Удвари подготавливает к изданию рукописи академика, которые сохранились в Национальной

академии наук, встречается с учеными, которые помнят еще те времена, когда Национальная Академия защищала интересы Венгерского государства, ездит в Ужгород, встречается с активистами русинского национального возрождения. И уже никогда в своих работах не использует рудиментов тоталитарного прошлого, того же удивительного во всех отношениях термина русин-украинец... Последние годы, при этом осознанно, поскольку знал о характере собственной болезни, Иштван Удвари отдал русинистике. Столь яркая и принципиальная гражданская позиция ученого, замечу, никак не мешала ему в общении с украинскими учеными, более того, не помешала совершить маленький научный подвиг и в венгерской украинистике, в частности, украинской лексикографии.

Интерес к русинам, с той стороны Тисы (напомню Иштван Удвари вырос в селе Эперйешке, что в нескольких километрах от нынешней венгерско-украинской границы) подогревался, думается, семейной историей. От отца он неоднократно слышал о своей прабабушке из Дравец (село сегодня в составе Ужгорода) из семьи Жменяков. Семейная хроника зафиксировала этот факт, еще и потому, что молодая русинка совсем не владела венгерским языком поначалу, что было само по себе для венгров той местности весьма занятным и любопытным, ведь рядом не было ни одного русинского села. О том, что для Иштвана Удвари этот факт из семейной хроники носил знаковый характер, я догадался гораздо позже, когда сопоставил некоторые факты. Дело в том, что спонсором книжечки переводов Шандора Петефи на русинский язык Игоря Керчи, что вышла в Ужгороде в 1998 году, значится Иштван Дёрдь Жменяк. Заметьте, полное имя ниредьхазского ученого Иштван Дёрдь Удвари. Совпадение более чем достаточные, чтобы сделать подобное предположение.

На наш взгляд, именно человеческое участие, а не сухой прагматизм ученого и следует применять при трактовке столь щепетильных тем, к которым относятся вопросы, связанные с национальной идентификацией, квалификацией того или иного языка или диалекта. Возможно, следует время от времени исследовать природу наших традиций, в том числе и на научном поле, сквозь призму современных представлений о достоинстве и правах маленького человека, которого напрямую они затрагивают. В свое время именно подобным образом поступил замечательный венгерский ученый из провинциальной Ниредьхазы Иштван Удвари, когда совершил в высшей степени нравственный поступок, вернув право народу русин обрести национальное достоинство и право на существование. Конечно, русинам бывшего Венгерского королевства, раскиданным по странам современной Центральной и Восточной Европы только предстоит восстановить утраченное после Второй мировой войны, в необыкновенно сложных условиях подняться в своем национальном и культурном развитии до уровня соседних народов. Миссия ученых при этом, конечно, исследовать эти уникальные для Европы процессы, но не усугублять их, а освещать объективно и, главное, не забывать о человеческих достоинствах тех, к кому имеют непосредственное отношение результаты их исследований. Как это делал, начиная с начала 90-ых годов прошлого века и до последних дней жизни ученый-славист Иштван Удвари.